

Написать о себе?

Кто-то следит за мной. Я чувствую на своем теле его взгляд. Взгляд чужого мужчины. Господи, почему автобус так медленно едет? Может, мне обернуться? Никак не могу решиться... Только не сейчас, когда мне так страшно. Да, он смотрит на меня. Я это чувствую. Я это знаю. Если он приблизится ко мне, я буду кричать... Нет, так больше продолжаться не может! Я должна все выяснить. *Ну, перестань же наконец дрожать и возьми себя в руки!* Раз, два... Вот и все: никто на меня не смотрит и никто не отводит быстрого взгляда. Двое мужчин ушли с головой в чтение, мой сосед смотрит в окно, еще один на заднем сиденье клюет носом. Успокаиваюсь, хотя сердце по инерции еще некоторое время продолжает быстро стучать.

Какой же смешной ты бываешь, Нора! Все кончилось, все давно в прошлом. Теперь ты в Канаде, ты в безопасности. Ничего с тобой не произойдет.

Я пытаюсь взывать к голосу разума, хотя мне трудно сдерживать свои страхи. Но стоит взгляду ненадолго задержаться на смуглом человеке с курчавыми волосами, сидящем по другую сторону прохода, как душа опять уходит в пятки. Я едва дышу.

Что ему от меня нужно? Этому типу с ярко выраженной арабской внешностью? Только не смотри на него, просто игнорируй! Ну, давай же, делай, что я тебе говорю! Ты едешь почти до конца, и он наверняка сойдет раньше.

Остановки медленно сменяют одна другую. Мне бы хотелось побыстрее. От улицы Атвотер до Лашина разглядываю рекламные щиты на стенах, чтобы отвлечься, но тот человек все не сходит. Я чувствую его взгляд на своей спине.

Они нас нашли, теперь я это поняла. Он следит за мной. Ни в коем случае я не должна позволить ему обнаружить, где находится наш дом. Что же делать? Следующая остановка моя. Я не могу пойти домой, не оторвавшись от него, даже если для этого придется одной долго петлять в сумерках.

Я прошу водителя остановиться. Выхожу на улицу... одна. Двери со скрипом закрываются, и автобус продолжает движение по своему маршруту. Облегченно вздыхаю, замерев в неподвижности на несколько секунд на краю тротуара. Чувствую себя сбитой с толку. Навейные паранойей страшные картинки рассеялись в воздухе. Все это лишь плод моего воображения. Должна ли я радоваться? Или, может быть, плакать? Не знаю. Знаю только, что нервы ни к черту.

Ты уже несколько лет живешь в Монреале, и ничего страшного с тобой до сих пор не произошло. Почему ты продолжаешь думать о преследованиях? Сколько еще нужно времени, чтобы окончательно избавиться от былых страхов?

Звук автомобильного сигнала возвращает меня к действительности. Резко выворачивая руль, водитель объезжает меня. Жизнь продолжается. Я направляюсь к своему дому, с трудом поднимаюсь по лестнице — настолько я устала.

Я редко возвращаюсь домой так поздно. Глубоко вдыхаю прохладный ночной воздух, смотрю на небо, на окруженную звездами луну. Как великодушный друг, она дарит мне свою нежность, словно животворящий волшебный бальзам для сердца. Как приятно снова увидеть родных, снова оказаться дома, в своей крепости.

Сегодня я не боюсь возвращаться домой. В детстве долгие годы я боялась переступить порог своего дома: там постоянно чувствовала себя в опасности, потому что каждый вечер, проведенный в нем, неизбежно оканчивался слезами и криками.

Теперь, приходя домой, я слышу возгласы радости. Трое моих младших братишек спешат ко мне и взбираются на руки. На их лицах расцветают улыбки, а в глазах искрится неподдельное счастье. За этих троих маленьких человечков я не колеблясь отдала бы жизнь. А ведь перед их появлением на свет я вела себя как законченная эгоистка. Тогда мне было шестнадцать. Переходный возраст — самое непростое время для подростков, что не могло не сказаться и на отношении

к близким. Тогда я открыла для себя Нору-критиканку и Нору-максималистку, по сути требовательного тиграна для окружающих. Могла ли быть другой девочка, которая росла в атмосфере ненависти и упреков?

Моя мать всегда относилась ко мне как к ребенку, который не верит в собственные силы. Конечно, она права... но я вынуждена была молчать. Я не могла допустить, чтобы мои тайны всплыли на поверхность. В то время это был вопрос жизни и смерти для меня и для тебя, моя любимая, дорогая сердцу мамочка. Но сегодня эти, не сказанные когда-то, слова душат меня и просятся на волю. Больше не хочу, чтобы они мешали мне спокойно спать и видеть сны. Я хочу удалить этот нарыв. Я хочу жить!

Открыть правду будет непросто. Я понимаю. Тем более, что все эти годы я старалась скрыть свои секреты поглубже, забыть об их существовании.

Я всегда была убеждена, что лицо выдает меня, а тот, кто захочет заглянуть мне в глаза, увидит там грязь и уродство. Именно поэтому я всегда боялась насмешек и шепотков за спиной, хотя мать старалась одеть меня со вкусом. Парадокс, но на самом деле никто надо мной не смеялся, друзей я заводила легко. Может, потому что старалась быть любезной с окружающими. Даже теперь я нуждаюсь в поощрении, любви и восхищении. Потому что сомневаюсь в себе.

В детстве я старалась хорошо успевать в учебе, в занятиях спортом, старалась быть заметной. Я была милой и послушной девочкой, готовой выслушать каждого, кто в этом нуждался. Но никогда и ни при каких обстоятельствах я не просила помощи у других. Никогда

не показывала другим свою боль. Никогда не рассказывала о том, что творится у меня дома. Никогда не плакала в объятиях подруги... до недавнего времени. Двадцать лет мое сердце было закрыто для других.

В 2005 году, когда моя мать стала писать книгу о нашей семье, я была уверена, что читать ее не будут. Несмотря на мой пессимизм, мать не оставила свою затею, и вот, 8 марта 2006 года, в Международный женский день, издательство «JCL» выпустило «Паранджу страха». Успех книги придал моей матери энергии и уверенности: она с головой ушла в другие проекты. Что касается меня, то я продолжала просто быть рядом... а вся моя жизнь шла по замкнутому кругу.

Летом я перечитала описание нашего путешествия в Канаду. Чтение вырвало меня из реальной жизни и погрузило в прошлое, полное горестей, одиночества, слез и молчания. Я слышала голос матери, которая описывала жизнь взрослой женщины, заботившейся о своих детях. Я всегда, с раннего детства, старалась помогать ей, вот только удалось ли это мне? Если да, то какой ценой?

Знала ли я по-настоящему беззаботное детство? Не помню. Я всегда чувствовала потребность прийти на помощь другим — матери, сестре, братишкам, чуть позже — своим друзьям. Часто я уставала от себя — от такой, какой была, и не знала, как помочь самой себе. Посвящая время другим, я забывала о себе.

Сегодня я чувствую, что прохожу новый и важный жизненный поворот. Я не хочу больше топтаться на месте. Я хочу избавиться от этой паранойи, от парализующих страхов, освободиться от кошмаров и просто наслаждаться безопасностью, которую дал нам Квебек. Нужно переступить через свое прошлое, но снова говорить об этом, воскрешая в памяти воспоминания о причиненной мне боли, о ранах, которые тут же начинают кровоточить, так страшно. Страшно и больно погружаться в прошлое, в свои воспоминания и особенно в свои... тайны. Но выбора нет. Не избавившись от секретов, я так и буду топтаться на месте.

